

[The Knowledge Bank at The Ohio State University](#)

Article Title: Филологические критерии выявления библейских переводов Св. Мефодия.

Transliteration: Filologicheskie kriterii vyjavleniia bibleiskikh perevodov Sv. Mefodiia.

Translation: Philological criteria for recognizing the biblical translations of St. Methodius.

Article Author: Алексеев, Анатолий А. (transliteration: Alekseev, Anatolii A.)

Journal Title: *Polata Knigopisnaia*

Issue Date: December 1985

Publisher: William R. Veder, Vakgroep Slavistiek, Katholieke Universiteit, Postbus 9103, 6500 HD Nijmegen (Holland)

Citation: *Polata Knigopisnaia: an Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures* 14-15 (December 1985): 8-14.

Appears in:

Community: [Hilandar Research Library](#)

Sub-Community: [Polata Knigopisnaia](#)

Collection: [Polata Knigopisnaia: Volume 14-15 \(December 1985\)](#)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ СВ. МЕФОДИЯ

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Как переводчику Мефодию принадлежит полный перевод Библии. Об этом мы знаем из XV главы его Жития, но само выявление переведенных Мефодием библейских книг выполнено еще в очень небольшой мере (см. АЛЕКСЕЕВ 1984:94-100). Необходимо обследовать несколько сот рукописей главным образом XIV-XVI веков, чтобы установить, какие из дошедших до нас четьих библейских текстов были действительно переведены Мефодием: где библейские переводы совершались и в последующее время в X веке в Болгарии, в X-XI веках в Чехии, в XII веке на Руси, затем снова в Болгарии и Сербии. Встает вопрос: чем должен руководствоваться исследователь при атрибуции того или иного перевода Мефодию? Важные соображения по этому поводу были высказаны в начале нашего столетия И.Е.Евсеевы и А.В.Михайловым, кое-какие поправки и дополнения в эти соображения вносит время по мере увеличения объема филологических и исторических сведений о той отдаленной поре и по мере усовершенствования методов исследования.

Процедура исследования включает в себя в качестве первого непременно го шага текстологический анализ рукописного материала. Недостоверность, вернее, неубедительность выводов Евсеева и Михайлова, равно как и других исследователей Мефодиевского наследия, работавших в конце XIX-начале XX в., связана прежде всего со слабостью текстологического анализа. Недостаточно только принять во внимание все списки, содержащие исследуемый текст, нужно непременно выработать методiku такого анализа, который, во-первых, позволил бы классифицировать все списки по их текстологическому достоинству, во-вторых, воссоздать историю текста, и в-третьих, реконструировать текст архетипа. Имея дело с текстом одного или нескольких взятых наугад списков, нельзя проводить надежных текстовых сопоставлений.

Развитие в последние десятилетия новых текстологических методов и новых текстологических концепций (см., в частности, ЭП 1974, АЛЕКСЕЕВ 1985) позволяет теперь не отступать перед самыми сложными казусами и добиваться большой ясности как в формулировке задач, так и в истолковании результатов на всех этапах текстологического исследования.

в., поэтому древнейшие этапы в истории четых текстов приходится реконструировать на основании цитат из них в других памятниках письменности; кроме того, изучение цитат позволяет также давать текстологическую оценку дошедших списков текста (см. АЛЕКСЕЕВ 1985а). Если цитирование других источников производилось нерегулярно и случайно, то тексты св. Писания представляли собой самый обильный источник цитат. Исследователь библейских текстов почти всегда может извлечь для себя много полезного из этого обстоятельства.

При изучении цитатного материала следует иметь в виду, что в ту эпоху, когда не было книгопечатания, в отношении стабильности и буквальной тождественности текста самому себе не предъявлялось привычных нам теперь строгих требований. Поэтому 80–90% цитат из св. Писания, встречающихся в памятниках переводной письменности у славян, не совпадает с известными нам славянскими библейскими текстами. Эти цитаты переводились вместе с греческим оригиналом всего произведения без сверки с готовыми славянскими библейскими текстами. Цитаты в немногочисленных оригинальных произведениях славянской письменности до XIII в. также своеобразны по форме. Они могут заимствоваться непосредственно из греческих библейских текстов или представлять собою свободные пересказы по памяти, в особенности когда дело касалось тех частей св. Писания, которые употреблялись на литургии.

Строгое цитирование представляло собою в ту эпоху исключение, поэтому оно должно с особой тщательностью изучаться. В этом отношении заслуживают внимания два памятника древней письменности. Во-первых, *Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского*. По мнению ВАЙАНА 1932:286, это произведение было переведено в первые годы X века Константином Преславским, непосредственным учеником Мефодия. Библейские цитаты в этом произведении совпадают с некоторыми четырьмя библейскими текстами, в частности с четвертым переводом *Песни песней*, который на этом основании может рассматриваться как труд Мефодия. Во-вторых, это *Пандекта Антлоха*, переводный памятник, относящийся, по видимому, к эпохе царя Симеона. По мнению изучавшего это произведение ПАНЬКЕВИЧА 1956, библейские цитаты в *Пандектах* отражают перевод Мефодия, и действительно, они совпадают с наиболее древними типами ряда библейских текстов (см. АЛЕКСЕЕВ 1983:236–237; 1984:100).

Изучение текстологической истории на основе рукописной традиции и цитат приводит нас обычно к признанию того факта, что данный библейский текст существовал уже в X веке. Дальше встает вопрос: когда возник этот текст в эпоху царя Симеона или раньше ее? При рассмотрении этого вопроса

мы можем опираться на следующие филологические критерии.

(1) Соотношение текста в кириллических списках и в хорватских глаголических источниках брeвиариях, миссалах. Как известно, хорватские глаголические тексты св. Писания прошли правку по латинским оригиналам. В тех случаях, когда удается эту правку отделить, под нею обнаруживается славянский текст, переведенный с греческого оригинала и восходящий к тому же славянскому архетипу, что и текст в кириллических списках Паримийника и некоторых четвх библейских книг (см. НАХТИГАЛЬ 1902). Известно также, что запрещение славянской литургии у хорват-католиков произошло в 925 г на Сплетском соборе (оно продолжалось до 1248 г.), значит, можно думать, что те тексты, которые представляют собою перевод с греческого оригинала и находятся в хорватских источниках, возникли до 925 г. (ср. МИХАЙЛОВ 1904:22).

Как видно, этот критерий имеет ограниченное значение, потому что не позволяет отделить Мефодиевские тексты от текстов Симеоновской эпохи (893-927). Кроме того, у нас нет и не может быть уверенности, что всякое литературное сотрудничество между православными славянами и славянами-католиками из хорват пресеклось в 925 г., а не продолжилось и после этой даты. Тем не менее опираться на этот критерий необходимо, потому что Мефодиевские переводы должны быть известны хорватам. Напротив, отсутствие у них того или иного перевода может служить аргументом против авторства Мефодия.

(2) Второй критерий опирается на учет переводческих приемов, примененных при изготовлении того или иного текста, на лингвистическое соотношение греческого оригинала и его славянского перевода. Здесь мы исходим из презумпции, во-первых, полной смысловой точности переводов Мефодия и, во-вторых, предельной лингвистической независимости этих переводов от лингвистической структуры греческого текста. Эти и такие особенности обнаруживаются яснее всего при сравнении двух или несколько славянских переводов одного и того же оригинала. При этом нужно учитывать и то обстоятельство, что переход от первоначальных свободных переводов к более поздним буквальным переводам наблюдается в истории многих древних и средневековых литератур и может рассматриваться как типологически универсальное явление (см. БАРР 1979, АЛЕКСЕЕВ 1983:245).

Лингвистическая свобода переводов Мефодия может быть охарактеризована следующими признаками:

1. В случае необходимости производится замена греческого мн. числа на двойственное.

2. Родительный принадлежности заменяется обычно дательным принадлеж-

ности.

3. Вводится связка настоящего времени в тех случаях, когда ее опускает греческий текст вслед за своим древнееврейским оригиналом.

4. Аорист 2-го лица заменяется как правило перфектом 2-го лица.

5. Греческий приставочный аорист передается славянским аористом с приставкой, придающей основе значение совершенного вида (префиксальная перфективация).

6. Греческий медиопассив заменяется активом.

7. Некоторые предложно-именные сочетания передаются беспредложными падежными формами, в частности, например, ἐν + дат. творит.

8. Используются возможности славянского словообразования, например, νεβρος ἐλάφον алънишь.

9. Словообразовательное калькирование находит себе довольно незначительное применение.

10. Для интерпретации греческого оригинала могут использоваться латинские тексты (Vulgata).

11. Наблюдаются отдельные случаи изменения словоупотребления, связанные с ритмическим заданием.

12. Одно греческое слово переводится несколькими славянскими словами в зависимости от условий контекста.

Понятно, что все эти признаки применяются без какой-либо обязательной последовательности, в ограниченном масштабе они могут применяться и в тех славянских переводах, которые к Мефодию не имеют никакого отношения. Однако в тех древнейших славянских переводах, которые мы склонны рассматривать как произведения Кирилла и Мефодия, эти признаки лингвистической независимости славянского текста должны воплощаться с довольно определенной систематичностью, в совокупности они дают достаточно надежную основу для характеристики перевода в отношении его греческого оригинала.

(3) Третий критерий связан с учетом особенностей греческого оригинала. До недавнего времени вопрос о греческой основе славянских библейских переводов Кирилло-Мефодиевской эпохи сводился к следующей альтернативе: в качестве такой основы рассматривали либо 'Лукиановскую', либо 'Исихиевскую' редакции Септуагинты. В настоящее время достаточно хорошо известно, что ни той, ни другой редакции как особого текстового типа не существовало. Кроме того, славянские библейские тексты не имеют никакой преимущественной связи с теми греческими вариантами текста, которые раньше оценивались как 'лукиановские' или 'исихиевские'. Зато становится все более очевидным, что у ря

да славянских библейских текстов существует особая близость к редакции R, выделенной впервые А. Ральфом в 1923 г в объеме греческого текста книги *Руфь*; с тех пор следы этой редакции обнаружены в большинстве книг Септуагинты. Текстовые особенности этой редакции заключаются в зависимости от гекзапл Оригена, в сближении с Масоретской традицией, на этой редакции основана редакция греческих катен, латинская и армянская версии. Лучшим представителем этой редакции из унциальных кодексов является Библия VIII века (Рим, Венеция). К этой редакции R из славянских текстов близки *Песнь песней*, книги *Царств* и *Руфь* (см. АЛЕКСЕЕВ 1984а:18-19). Задача заключается в том, чтобы определить отношение к этой редакции других славянских библейских текстов, представленных в своей четвей разновидности.

(4) Лингвистический критерий. В согласии с этим критерием определяется степень близости языка изучаемого произведения к языку таких Кирилло-Методиевских переводов как Псалтырь, служебное Евангелие, служебный Апостол, иногда Паримийник. Этим критерием уже не раз пользовались лингвисты и текстологи, между тем надежность его вызывает сомнения. Во-первых, все тексты, язык которых рассматривается как эталон, дошли до нас в довольно поздних списках, поэтому нам не известно, что в них принадлежит Кирилло-Методиевскому архетипу и что вошло в них в ходе рукописного копирования. Во-вторых, объектом наблюдения часто оказываются такие синонимические пары как *уѣво жтроба*, *растити прозввати*, *жизнь ~ животъ*, *сѣнъмъ ~ сѣборъ* и т.п., относительно которых нет надежных сведений ни о их диалектной отнесенности, ни о их хронологической приуроченности. В-третьих, более поздние переводчики пользовались как правило трудами своих предшественников, потому характерные языковые признаки ранних переводов, если они проявляются широко и заметно, легко становились объектом сознательной стилизации. Это было тем более необходимо, что при отсутствии кодификации современного типа стабильность письменного языка поддерживалась исключительно ориентацией на образцы. Вследствие этого типичные лингвистические черты Методиевских переводов могут быть обнаружены у переводчиков Болгарии X века, Чехии XI века, Руси XII века.

Более надежные выводы можно делать лишь обнаруживая совпадения разных текстов в употреблении редких, малораспространенных слов, где труднее предполагать сознательную или бессознательную стилизацию; на такие случаи и должно быть направлено внимание исследователей. При изучении *Песни песней*, например, мы обратили внимание на совпадение ее с Псалтырью в употреблении таких редких слов как *нѣдѣти* *вырасти*, *распуститъся* и *нѣдѣ* *близъ*

(АЛЕКСЕЕВ 1983:240).

Как видно, все четыре критерия не обладают полной надежностью ни каждый в отдельности, ни следовательно все вместе. Однако применение их в ходе исследования материала может привести в конце концов ко вполне надежному результату, и вот каким образом: Если в ходе последовательного изучения всех библейских книг по всей совокупности списков окажется, что (1) все эти тексты восходят к одному и тому же типу греческого текста, (2) они переведены с применением одних и тех же переводческих приемов, отличающихся относительной свободой, (3) эти переводы нашли отражение в хорватской глаголической письменности и (4) эти переводы лингвистически хотя бы немногими надежными чертами связаны между собой, а также со служебным Евангелием и Псалтырью — если будет все это обнаружено, то с необходимостью нужно будет заключить, что выявленное таким образом обширное собрание четьих библейских текстов принадлежит деятельности Мефодия и его учеников, в согласии с XV главой его Жития.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВ А.А.
1983 *К определению объема литературного наследия Мефодия (четый перевод Песни песней)*. 'Труды Отдела древнерусской литературы' 37: 229-255.
- 1984 *Принципы историко-филологического изучения литературного наследия Кирилла и Мефодия*. 'Советское славяноведение' 1984/2:94-106.
- 1984а *О греческой основе славянских библейских переводов*. 'Palaeobulgarica' 8(1984)1:3-22.
- 1985 *Проект текстологического исследования Кирилло-Мефодиевского перевода Евангелия*. 'Советское славяноведение' 1985/1:82-94.
- 1985а *Цитаты из Песни песней в славянской письменности (цитаты и текстология)*. В кн.: 'Сборник в чест на проф. Боню Ангелов' София (в печати).
- БАРР = BARR J.
1979 *The Typology of Literalism in Ancient Biblical Translations*. Göttingen.
- ВАЙАН VAILLANT A.
1932 *La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem. La deuxième catéchèse*. 'Byzantinoslavica' 4.
- МИХАЙЛОВ А.В.
1904 *К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях / Из истории древнеславянского перевода кн. Бытия пророка Моисея*. Варшава.
- НАХТИГАЛЬ Р.
1902 *Несколько заметок о следах древнеславянского паримейника в хорватско-глаголической литературе*. 'Древности. Труды Славянской

комиссии Московского археологического общества' 3:175-213.

- ПАНЬКЕВИЧ РАЊКЕВИЇ I.
1956 *Malí Proroci v Antiochovjeh Pandektech z r. 1307.* 'Slavia' 25:
384-393.
- ЭПП = ЕРР E. J.
1974 *The Twentieth Century Interlude in New Testament Textual Criti-
cism.* 'Journal of Biblical Literature' 93/3:386-414.